

Когда Цзян Ханьюй и Иту возвращались в западный флигель, уже стемнело так, что не было видно ступеней. Юноше пришлось идти вплотную к мужчине, плечо к плечу. Тени от окружающих цветов и деревьев были размытыми и нечёткими, и каждый случайный взгляд создавал иллюзию, что в них кто-то прячется.

Его нервы были натянуты. Проходя мимо покоев старшей дочери Дун Хаоюэ, он увидел, что на карнизе пустой и безмолвной комнаты всё ещё висит та самая белая шёлковая лента.

«Неужели слуги семьи Дун так и не сняли её?»

Иту колебался. Но что пугало ещё больше — вспоминая свой путь сюда, он не мог припомнить, видел ли он эту ленту раньше.

— Белая лента в комнате мисс Дун...

Он хотел было спросить Цзян Ханьюя, но, не успев обернуться, краем глаза уловил висящий на карнизе белоснежный силуэт.

По спине Иту мгновенно пробежал холодный пот.

Хотя тень исчезла в мгновение ока, белая лента осталась. Лёгкий сквозняк колыхнул её, заставив плавно закачаться.

Цзян Ханьюй, конечно, заметил, что его спутник изменился в лице. Он бросил взгляд в сторону комнаты и ровно произнёс:

— Ничего страшного. Идём.

Юноша кивнул, и они молча продолжили путь в свою комнату.

Семья Дун была богатой купеческой династией, поэтому всё в их поместье было устроено с большим вкусом и по строгому порядку. Помимо главного дома, выходящего на юг, где жил глава семьи, более престижный восточный флигель предназначался для сыновей. Дочери же жили в западном флигеле, который после их замужества превращался в гостевые покои. А в самом скромном южном флигеле жили слуги.

Хотя у Дун Циншаня была лишь одна дочь, Дун Хаоюэ, она, соблюдая традиции, жила в западном флигеле. И хотя в этом флигеле было всего четыре комнаты — одна большая хозяйская и три поменьше, — этого было достаточно для размещения её служанок.

Теперь, после смерти Дун Хаюэ, её комната была непригодна для проживания, и им, игрокам, пришлось довольствоваться комнатами служанок. Таким образом, место смерти Дун Хаюэ находилось всего в десятке метров от их комнаты.

Иту не знал, хорошо это или плохо, но после увиденной им тени ночь определённо обещала быть беспокойной. Однако мысль о том, что рядом будет Цзян Ханьюй, немного успокаивала. «Если мужчина не будет спать слишком крепко, то весь этот ужас обрушится не на меня одного», — мысленно рассуждал он.

Вернувшись в комнату и наскоро умывшись, Цзян Ханьюй велел Иту лечь с внутренней стороны кровати и тут же добавил:

— Ты во сне ворочаешься.

Иту: «?»

— Опять ты за своё?

Он едва заметно улыбнулся. Будь его воля, он бы вышвырнул этого человека вон.

Цзян Ханьюй ответил ему знакомой усмешкой, и у юноши мгновенно возникло дурное предчувствие.

И точно, в следующую секунду он услышал:

— А как же мне не знать? Новую страсть я, может, и не успел изучить, но разве я мог забыть старую любовь?

Иту:

— ...Твоя взяла.

«Чёрт, когда же этот кошмар закончится!»

Не желая больше препираться с ним, Иту снял верхнюю одежду и ловко забрался на кровать. Цзян Ханьюй постоял некоторое время рядом, затем, приподняв бровь, спросил:

— Ты обычно спишь в одежде?

Иту: «...»

Обычно он действительно спал без верхней одежды — так удобнее, да и незачем. Но сегодня был не тот случай. Ему совсем не хотелось спать с другим мужчиной в одной кровати, да ещё и голышом. Тем более он с прошлого карточного поля знал, что у Цзян Ханьюя есть привычка спать нагишом.

— Брат, я не хочу становиться извращенцем, — взмолился юноша, будучи на грани срыва. — Может, ты всё-таки проявишь милосердие и поспишь сегодня на полу?

— Нет.

Ответ был предсказуемо коротким и категоричным.

Не выдержав, Иту зарылся головой в одеяло, решив не обращать на него внимания.

Через некоторое время он услышал тихий шорох. Цзян Ханьюй погасил керосиновую лампу, и правая сторона кровати слегка прогнулась. Юноша инстинктивно подвинулся к стене, но спутник, ложась, всё равно прижался к нему.

Несмотря на слой одежды, Иту чувствовал жар, исходящий от тела мужчины, и это заставляло его собственное тело гореть. У Цзян Ханьюя не было рубашки, но, к счастью, он надел штаны, присланные слугой. И всё же юноша не смел пошевелиться. Незнакомый запах окутывал его, сковывая движения.

Он недовольно пробурчал:

— Ты не мог бы подвинуться? Я уже к стене прилип.

Цзян Ханьюй помолчал немного, а потом ответил:

— Не могу, боюсь упасть.

Иту: «?»

«Ты, здоровый мужик, великий Пиковый Король, призраков не боишься, а упасть боишься?»

У Иту перехватило дыхание от возмущения. Он наконец понял, зачем этот пёс увязался за ним. Видимо, решил довести его до ручки!

Голова у юноши гудела — отчасти от усталости, отчасти от гнева. Он замолчал, но тут рука

мужчины внезапно легла ему на талию.

От этого обжигающего прикосновения Иту вздрогнул и резко открыл глаза.

— Ты что творишь?!

Голова Цзян Ханьюя покоилась у него на шее, и его низкий голос вибрировал у самого уха.

— Не веришь — сам потрогай.

Юноша рывком сел. Одеядо соскользнуло с его плеч. Цзян Ханьюй лежал с обнажённым мускулистым торсом и улыбался.

Иту поджал губы, нахмурившись. Мужчина не обманул его. Кровать была слишком узкой. Тем более для двоих мужчин выше ста восьмидесяти сантиметров. Даже одеяла на двоих не хватало.

Видя, что тот замер, Цзян Ханьюй наконец сказал:

— Ложись уже, я больше не буду тебя дразнить.

Иту всё ещё раздумывал, не поменяться ли ему местами с этим человеком, но, услышав это, с усмешкой лёг обратно.

— Спасибо вам большое.

Они лежали в тишине. Хотя Иту очень хотелось спать, заснуть он не мог. Мужчина рядом с ним тоже ворочался, явно не собираясь засыпать.

Юноша перевернулся на другой бок и нос к носу столкнулся с Цзян Ханьюем. Они смотрели друг на друга в темноте.

— Ты почему не спишь? — сонным голосом спросил Иту. — Обычно ты так быстро засыпаешь.

Навык Цзян Ханьюя засыпать за тридцать секунд, продемонстрированный на прошлом карточном поле, произвёл на него неизгладимое впечатление.

— Жарко, не спится, — мужчина заложил руки за голову и, что-то вспомнив, усмехнулся. — Ты про то, как я мгновенно заснул на поле «Трефовая Четвёрка»?

— Угу, — кивнул Иту.

— А ты знаешь, что для меня значат низкоуровневые карточные поля? — с усмешкой спросил Цзян Ханьюй.

Иту: «?»

Не дожидаясь ответа, тот продолжил:

— Они безопаснее, чем сон в собственном доме. Пройти их — проще простого.

Мужчина усмехнулся, и на мгновение юноше показалось, что перед ним кто-то невероятно могущественный. Но лишь на мгновение. Опомившись, он решил, что это, должно быть, иллюзия. Этот пёс просто выпендривается!

Иту молча отвернулся. Не стоило ему вообще заводить этот разговор.

Мужчина за его спиной тихо позвал его по имени, но, не дождавшись ответа, умолк, не зная, заснул тот или просто не хочет разговаривать. Вскоре Цзян Ханьюй тоже затих. Так они и уснули, в позе, напоминающей объятия.

Ночь была глубокой, и всё поместье Дун погрузилось во тьму.

Кап-кап... Глухие капли воды падали на пол. В комнате как будто появился кто-то ещё.

Иту, обнятый большим тёплым «радиатором», спал на удивление спокойно. Хотя этот обогреватель немного сдавливал ему грудь, юноше было очень уютно. Но назойливый звук капель мешал ему. Когда человек спит, все звуки проникают в его сны.

И вот сейчас Иту сидел у себя дома и смотрел телевизор. И вдруг за спиной раздалось это навязчивое «кап-кап». Он обернулся, но ничего не увидел. Повернулся обратно — звук уже раздавался у его ног.

Юноша инстинктивно сжал пульт. Капель становилось всё больше, и вскоре у его ног образовалась небольшая лужица. Когда он попытался убрать ноги, в лужицу упала капля крови, и в поле его зрения внезапно появилась пара красных вышитых туфель.

Иту резко открыл глаза. В комнате не было света. Он тяжело дышал в темноте. Лишь почувствовав за спиной горячее тело мужчины, он смог успокоиться.

«Всего лишь кошмар», — с облегчением подумал он.

Грудь Цзян Ханьюя была плотно прижата к его спине, почти не оставляя зазора, а рука лежала на талии. Кровать была маленькой, и чтобы уместиться вдвоём, приходилось забыть о приличиях, так что Иту даже не пытался спорить о позах.

Половина руки юноши затекла, и он попытался перевернуться.

В этот момент в комнате снова раздался знакомый звук капель.

Иту замер. Этот леденящий душу звук становился всё отчётливее. Он смотрел на белую стену перед собой, но в его воображении стояла та пара ярко-красных вышитых туфель из сна. Если он не ошибся, на них были вышиты золотые лотосы-близнецы.

Он тихо ждал. Через некоторое время движение за спиной прекратилось. Иту уже было собрался пошевелиться, как рука Цзян Ханьюя на его талии внезапно сжалась. Юноша замер, боясь шелохнуться.

Так они пролежали некоторое время. Когда Иту снова начало клонить в сон, Цзян Ханьюй отпустил его.

— Ушла? — перевернулся юноша.

Цзян Ханьюй смотрел в окно на удаляющийся красный силуэт. Женщина была в праздничном свадебном наряде, и с неё почему-то капала вода. Он не смог разглядеть её лица, но на полу, где она стояла, уже образовалась небольшая лужица.

— Ушла, — мужчина повернулся к нему. — Почему ты проснулся?

— ...Звук капель проник в сон, — Иту было неловко признаться, что его разбудил страх. — Та, что была в комнате, это старшая мисс Дун?

Цзян Ханьюй поправил почти сползшее с кровати одеяло.

— Вряд ли. Дун Хаоюэ умерла не в свадебном наряде, к тому же с этой незнакомки капала вода.

— Капала вода? — замер Иту. — Утопленница?

Мужчина молча подтвердил его догадку.

— Боюсь, она и есть второе «счастье». Сначала поспим. Завтра всё узнаем.

Иту кивнул и снова лёг. Прошло всего несколько часов с начала карточного поля, а «двойное счастье» уже так быстро заявило о себе.

<http://bllate.org/book/15886/1436528>